

Ефим Ярошевский

Жизнь была страшна и прекрасна... Как во сне

(записочки провинциала...)

...или Эхо романа...

Запись № ...

...Улицы Одессы 60-70-х... К ночи это уже были корабельные палубы и мокрые паруса... В них всегда жил ветер. Ветер и дождь. К ночи ветер набирал силу и штормовую мощь. Улицы пахли бензином, солью и туманом. Мы прощаемся с Толей Гланцом на знаменитом углу – Советской Армии и Чкалова (а также Военно-Морского Флота! – прибавлял он почему-то.) Около овощной лавки, где работал его замечательный отец – Франк, или Франя, похожий на Жана Габена... Улица Чкалова – угол Валентины Гризадубовой! – здесь мы пытаемся расстаться... (Вряд ли кто из читателей знает, кто такая Валентина Гризадубова. А я знаю. Я собирал когда-то советские марки...)

– Но зачем тебе Военно-Морской Флот?! – спрашиваю я ошалело.

– Флот мне ни к чему. Как и тебе. Но такое название мне... ближе. Я тогда знаю, что уже не заблужусь. Вернее, не заблудюсь... (от слова «блуд») Я – как мой папа. Который говорил: «Толя, как надо правильно сказать – изобрел, изброл или изборул? Или избобразил?..».

– Папа, ИЗОБРЁЛ!!

– Хорошо, пусть будет «изобрёл»...

(Но избору́л – ему больше нравилось...)

.....

...Мимо ворот по мостовой продвигаются по диагонали, держась друг за друга, два ночных и безвредных сумасшедших... Уже немолодые люди, Додя и Володя. Они не братья. Хотя по уму – очень даже. Они всегда вместе. Всегда вдвоем. Их нельзя разде-

лить. «И в этом их сила», – говорил Толя. А у Привоза их всегда ждал несчастный Шая, который всегда, в любую погоду, ходил босиком... Сейчас ему дали сигарету. И он счастлив.

...Я вспоминаю ночное море, 12 станцию... Ночь, лето, пыльные вишни у дороги. Цветы, одуряющий запах белой гвоздики. Початая бутылка шампанского на скамейке... Купание в ночной воде. Громадная луна над горизонтом. Такая странная планета... Рядом – Вадик Чирков и Юрочка Новиков. Мы говорим о великой задаче кинематографа (почему-то). О том, как было бы замечательно – снимать город и море ночью, и не обязательно обнаженных ночных купальщиц.

Хотя и их тоже. Прежде всего, их! И без камеры, без камеры!! Только глазом, виртуально. Как Дзига Вертов. Главное: зафиксировать их смех, бюст, брызги при луне, черную, как нефть, воду... Потом – хорошо бы снять «в волшебном и рискованном ракурсе!» – ноги девочек (это говорит Юра, задыхаясь и предлагая варианты), танец пьяных проституток Привоза!! И обязательно черных кошек, несущихся с крыш, и автомобильные фары в тумане... Черно-белые кадры. Непременно черно-белые! Контрасты! Контрасты!.. Тоновая съемка! Чарли Чаплин. Немое кино... Нью-вейв. Новая волна! Не забыть и зверей в ночном зоопарке, который подобен тюремной больнице... – Но при чем тут...?

Но он не слушает. «После чего... мы увольняем ВСЮ администрацию зоопарка! – кричит в азарте Юра. – Всю!! За безобразия, которые там творятся!.. Ибо администрация уже НЕ МОЖЕТ справиться. С великими задачами кинематографа!.. и содержать сытых и не больных зверей! Администрация собой уже не владеет!...» Бред какой-то.

(Как-то Игорь Павлов мне сказал: «Если бы пройти с киноаппаратом по городу – ЗА ТОБОЙ, Фима, но так, чтобы ты этого не видел... получился бы один из лучших документальных фильмов мира... Удивляюсь, что до этого до сих пор никто не додумался».)

Из записочек провинциала...

...Мы долго прощаемся с Толей Гланцем. Стоим на ветру, курим, разглядываем созвездия... Потом Толя, кутаясь в шарф, глухо читает мне стихи:

«Я уже большой, как видно,
Я иду пешком по крышам,
Я иду на нерест ночью,
Гулко кашляя в кашне.
И за мной плетется вечер,
Кровожадный провожатый,
Языком глухонемецким
Заслонив родную речь...»

– Как, Фима?

– Отлично, Толя! Отлично!..

– От нуля??

– Нет, в самом деле...

А потом прочел это:

«Отравился старым бензином на работе случайно Сережа. И не помогли ему ни слава, ни знакомство в английском посольстве. Пронесил его ужасно по зеленым улицам ночью мимо денег, лежащих в кассах, мимо дворников, спящих в койках...» И стало мне тогда невероятно грустно и сладко, как после рассказа какого-нибудь Фолкнера или Шервуда Андерсона... Нивроку.

...Валик Хрущ, гениальный художник Одессы, потом нам рассказывал...

– ...Иду я по Новорыбной, около Привоза. Уже почти часов 12 вечера или ночи... Смотрю – стоят два еврея, два поэта. Два талмудиста под звездами. Один длинный, худой, с большим носом. Второй тоже еврей, но полнее и моложе. Смотрят в небо и, наверно, видят там Бога... Прикидываешь? И курят. Оба держат одну книгу... Книга одна на всех! Талмуд, ясный х... И не могут от нее оторваться. Они читают и курят в темноте. Курят, между прочим, хороший табак! Настоящий «Липтон». А мне как раз очень курить хочется. Как никогда. Но отрывать людей от Талмуда, ты же знаешь, – это не в моих правилах... Я терпеливо ждал. И чуть не обмочился тогда. От нетерпения...

Потом сказал нам: «Ребята, лучше заходите ко мне. Чай как раз вскипел. Вика дома, мы будем рады. Но курица нету, учтите. И до утра вряд ли будет!». Мы, конечно, немедленно его угостили... Постояли немного, Хрущик прочел нам под звездами короткую, но содержательную лекцию о Филонове и Кандинском... сказал еще

что-то, кажется, о кроватках. Потом добавил на прощанье: «Вы будете смеяться, ребята, но этот поц, извините, с Новорыбной (который купил у меня вчера клевые крючки с клеймами) всю ночь стоял у камней с удочками, ни хера не поймал... и в тот же вечер повесился на ремне, на чердаке у Кузнецова, где снимал двухметровую хавиру на крыше. За семь рублей! ...Причем не заплатил. И умер весь в долгах. Как и полагается художнику... Хаваете? Ладно, заходите. Я покажу вам работы Хруща... Настоящие. Без подделки».

– Спасибо, Валик, но только завтра... – сказал Толя. – После семи, ладно?

– Годится. После 11. Я заварю английский...

...Пошел серенький дождик, как серенький козлик...

Записки, записочки...

Записи, прописи, описи, выписи... Супеси, наконец. И заметьте, общие корни! Такое себе интимное общение с языком. Николай Васильевич это бы понял.

– Но вряд ли одобрил бы, – буркнул мой собеседник.

Однако довольно об этом.

.....

...Из записок поэта Гриши (Гирша) Резникова из Штатов, сделанных в Одессе 80-х, на службе, – и найденных в чемодане у Мишеля еще тогда. Еще в Союзе, в Одессе, в Эдессе, в эдеме... Во время оно.

...Прикрывая круглой сгорбленной спиной листок бумаги, Гирш не рисовал уже никаких чертежей, не делал никаких вычислений (а следовало бы!), не писал, казалось, ничего путного, что-то лениво и нечто необязательное рисовал... Настоящей работы не было уже с месяц. Бюро бездействовало. Потом он стал ожесточенно писать... (Как-то он сказал мне: «Я уже давно ничего не делаю на работе! В смысле работы. Я только «давлю стул»... Зато я там пишу стихи. ЗА ЭТО мне платят 160 рублей в месяц. Неплохо?»)

(Гриша издевался – над собой и, кажется, надо мной тоже.)

Он писал и тщательно прикрывал листок от посторонних взглядов... Ненавидя главного инженера и своего шефа, Гирш на-

пряженно и мстительно что-то записывал – унизительно мелким почерком. И уже не мог остановиться. Сопел и невыносимо страдал при этом. И на бумаге получалось следующее:

«...сроки выдачи информации...»

Этот листок каким-то странным образом попал ко мне... из старого чемодана, где валялись еще со времен советской Новороссии (Совновороссии, в сованороловской новороссийской Украине?) – брошенные поэтом Гиршем Резниковым бумаги и рукописи (ибо брать их с собой в дальний вояж было опасно!.. На листке было написано буквально следующее:

«Сроки выдачи информации... сроки выдачи... сроки выдачи».

(Это они любят – ВЫДАВАТЬ. Надо их остановить. Хотя... надо ли?) Пока же – идут записи в столбик:

«Наименование документации в ознаменование операции. Операционные инструкции. Изучение конструкции. Получение индукции. Наименование обструкции... Излучение абстракции, приобретение редукции, разоблачение коррупции, а также извлечение... резекции, концепции, апперцепции...» и прочее.

«Сроки проверки... Сроки проверки... Сроки кончены. Кончены сроки. Отбой». (По-моему, бред какой-то. Но абсурд и драматизм записей нарастают!..) Выплывают опасные смыслы... Опасные связи и все безумие этого рабочего дня. «Убой. Разбой. Новиков – Прибой... Борис Полевой. Парис Половой. Клянусь головой!.. Гуманизм, коммунизм, герметизм, аневризм. Аневризм аорты... Как у Пушкина. Я знавал его в юности. Кого? Пушкина? Разумеется. Кажется, даже говорил с ним по телефону. По параноинному телефону. ...Мы не без удовольствия гуляли с ним по Дюковскому саду. «Ну что, брат Пушкин? Да так, брат. Так как-то все...» – Запишем, однако: «...Синкретизм жизни, отверстой, открытой всем ветрам, идущей под всеми парусами. Секуляризация жизни и принцип неопределенности (в смысле дополнительности – принцип Бора), центробежное стремление личности и центростремительное – государства. Застылые глаза... Мертвые глаза государства. Невозмутимые глаза моей страны (зачеркнуто!) Твердый взгляд моего уполномоченного народа... А как было бы хорошо, как было бы неплохо. Коли б можно было

бы... (бы, бы, бы!) работать, работать ровно, в спокойном ритме, и получать от работы тихое успокоение, тайное забвение... Да, тайное забвение! Такие слова исчезли из обихода. НИКТО теперь не знает, что такое «забвение». Тем более тайное. Зато – знают глубокое удовлетворение. И проникновение. А преткновенение? Кругом – излишние скрежет и боль. Боль и скрежет. Приметы времени. Приматы времени. Боль и быль. Билль и боль. Билль о правах... Билл Клинтон. Боль о правах! Все дальше во времени, все страшней...

Творчество, жречество, старчество. (Вот что нужно!) Пиршество. Пир. И пар, выпущенный страной... Выпущенный стране. Выпущенный на волю пар пиара... Пар Пуаре. Пар, выпущенный на свободу. Пир, пущенный на самотек. «Над страной весенний ветер веет...» Нет, воет! (Наши войска вошли... Куда, интересно? Вошли – и всё. Важно, что они вошли.) «Сердитый вітер завива...» Кошмар какой-то... И все-таки пир! И меню этого пира: салат, две кружки пива, яичница с беконом... Меню Ильича. (Вот блядь, при чем тут Ильич?!) При том... Но как это понять? Как это освоить? Как освоить и принять это безумие мира за окном? Как понять творению – Творца?..

Святой дух. Демократия. Суфизм. Суд. Сад. Садизм. ...Варна. Верно. Порно. Скверно. Бог знает что я говорю. (Зато над нами – Покров Богородицы... Вам не стыдно, господа?) И все же, как это понять... Как понять творителю – творенью? Я не знаю. «Когда огонь... Когда огонь уносит это... Когда огонь уносит это ввысь...» Кажется, стихи.

Наконец-то!.....

«...Когда огонь уносит ввысь поленья,
И дым земли уходит к праотцам,
Как понимать творителю – творенью,
Как узнавать творению – Творца?»

Недурно... однако. Ай да Гиршойхет!.. Ай да сукин... Стоп! (Кто-то идет!) Сворачиваемся... Мы сворачиваемся, как кровь. Делаем вид. Здесь – как бы не мы. Мы – не мы. Мы немы. Вот как, вот как, серенький козлик... Всего доброго, господа! Спасибо за внимание. Сроки проверки, сроки проверки... Сроки кончены. Кончены сроки... Отбой!»

...Запись № ...

...Из письма художника: «СССР, Украина, Одесса.

...Итак, пишу вам третье письмо! Я устал – безумно – повторять вам! Слушайте меня внимательно! В России может быть здоровым, счастливым только борец за народное дело: Сахаров, Толстой, Ленин. Или партаппаратчик, или стяжатель, или спекулянт. Такая страна, такой народ: почитайте внимательно Гоголя, Бердяева, Соловьева, философов русских – они в ужасе от народа своего!! Я устал повторять: Россия страна рабов, славянин – раб. Я жил в рабстве 47 лет, 20 лет потратил на Союз (художников), – вместо того чтобы жить, как свободный человек. Поэтому повторяю десять раз, сто раз: язык, язык и язык! Язык – все, без языка – ничего. (Жажда – все, имидж – ничто...) (Я зарпортовался. Я схожу с ума.)... Оставьте питье, болтовню, девочек, депрессуху... Кроме таланта – язык, язык и еще раз ЯЗЫК – вот что необходимо (и достаточно) для победы! Обязательно английский! Ни в коем случае НЕ туркменский.

Обнимаю. Пишите, сволочи! Всем приветы.

Люсьен...

Нью-Йорк, Сохо, лето, кухня, Гудзон...»

...Запись № ...

Еще когда мы жили в Средней Азии... Еще когда мы жили.

...В желтых ливнях плыла глинобитная Азия, рыжая Азия на ишаках в синей чадре проносилась мимо... В эту ночь я проснулся и понял: все равно, какая страна за окном, все равно...! Выгляни: качается дождь на деревьях... Дождь заливает планету с обоих боков, все города одинаково мокнут и щурятся в эту пахучую мглу... Запах земли... Неужели и он не везде одинаков? Теперь, когда я смотрю в азиатскую непогоду, понятие родины вновь возникает во мне...

...Когда-то Россия так меня мучила! Я слишком любил ее, без ответа... Довольно.

Обнимаю весь мир, залитый дождями, обнимаю всю Землю!.. Но все равно – «где-то слева болит, кровоточит Россия, моя любимая страна...» Почти стихи. Лет 20 назад я писал это. Каково?!

...(Вспомнилось: война, эвакуация, 1941 год. Поезд, теплушка... Состав пересекает пол-России. Но еще до Краснодарского края, до станции Темиргоевка – немецкий самолет обстрелял наши вагоны. На крышах солдаты, были раненые... Но мне только шесть лет. И потому не было страха. Потом была Средняя Азия... Над Наманганом – страшный ливень. Комната затоплена. Арыки захлебываются рыжей ледяной водой. Невозможно выйти. Даже за хлебом. Домики на окраинах – из глины. ...Хлеб появился на третьи сутки. Потом был Ташкент. Жара. Улица Ленинградская. Старый город – Шахантаур, весь в таинственных письменах и изразцах. Чайхана. Старики узбеки часами пьют чай в толстых халатах. И не потеют при этом. Это какая-то тайна. (Вспомнил эпизод – про одну местную российскую девочку. Ее семья жила рядом. При мне она спрашивала свою маму: а кто такие евреи? И мама ее отвечала, с ужасом глядя на меня и на мою бабушку: «Это ТЕ САМЫЕ евреи, которые распяли нашего Христа...». И уводила ее домой.) Где-то по соседству с нами, на улице Ленинградской, как я позже узнал, жила тогда Анна Ахматова. Чуть ли не в соседнем дворе! Одурающе пахли персики, цвели гигантские розы в садах. Если бы я знал... Впрочем, что было бы, если бы я даже знал? Ровным счетом ничего. Мне было тогда девять лет... А через год закончилась война, и мы вернулись. Стихи появились в тринадцать. Первая беспомощная проза – в четырнадцать...

* * *

...Пятидесятые. Одесса. Туман и сумерки...

Зима, университет... Мы с Севой – на подножке 12-го трамвая. Ветер, на Преображенской скользко. Сева вдруг говорит мне, почти кричит, повисая по ходу трамвая над ледяной мостовой под довольно рискованным углом: «И какой русский не любит быстрой езды?!»...

...И смеется.

* * *

...на дворе 1956 год. В газетах фотографии – жирный отекий Маленков, хмурый Хрущев, Каганович с бычьей шеей и тяжелым взглядом, грузный Булганин с щегольской бородкой и в генеральских погонах...

«Вот банда!..» – говорит кто-то. Я потрясен. Я не верю.

* * *

На углу Дерибасовской и Карла Маркса помню совершенно безумного продавца газет, в 61-м или 62-м году (как раз вышел «Один день Ивана Денисовича» Солженицына) почти по пояс высунувшегося из окошка и едва не выпадая из книжного киоска, иступленно кричал на всю улицу: «Вышла НОВАЯ книга: доклад товарища Сталина на XVII съезде партии! ПОКУПАЙТЕ новую книгу Иосифа Виссарионовича Сталина!!» – и размахивал брошюрой... Люди покупали.

* * *

...Уже восьмидесятые. В Одессе двадцать лет спустя по-прежнему туман... Из подворотен на мостовые кошки выбегают на верную гибель... Молдаванки почти не видно. «Куда ты ведешь нас, не видно ни зги!» – вспомнился почему-то забытый мной и всеми Рылеев. И совсем уже нехстати – его же Иван Сусанин. Не хватает только Ивана Грозного! (Представляете: тетя Геня с Мясоедовской, мадам Фердман из 37-го... и Иван Васильевич Грозный! Ему явно не поздоровилось бы.)

...Трамвайные пути, мокрая мостовая, рельсы и ночь... Но ведь не Петербург же! Наоборот, вполне юг, ночное теплое море. И полная луна!.. Я оглядываюсь – никого. Кругом ночь, крыши, туман. Я не выдерживаю – и поднимаюсь к звездам... Это было довольно высоко. В звездах – ветрено, свежо, там жил ветер.

Запись №

...А хорошо, однако, сидеть на солнышке, читать Горация, грезить, смотреть на облака, на птиц,
не ходить на службу, питаться,
как птицы небесные – чем Бог пошлет...

А досуг отрабатывать писанием.

И не обязательно Священным. Да, мечты слабоумного.

...А вот и парк Ильича, «налитый молоком тумана»...

– Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе? – хочется мне спросить. – Уже третье? Вот новость. А я не знал. На улице – туман. Протянешь руку – и рука сейчас же пропадет в тумане. А дальше что? «Неизвестность, гибель впереди...» Но это там, у Блока. Блок бы нашу гибель не одобрил.

...Парк Ильича, «налитый молоком тумана». Да, тот самый парк, «где детское Евангелие Марк читает людям без обмана...». И торчат из тумана, уже на улице Франца Меринга, туловища кариагид, руки, головы, ноги атлантов... со дна морей. Туман колеблется, ждет, раздумывает, потом отправляется далее. Медленно пожирает город и идет к морю... Дальше – уже некуда. Дальше – обрыв. Трава... Монастырь.

...Туман не дурак. Он поворачивает и осторожно, крадучись, пробирается переулками и покинутыми дачами – назад, снова в город. Я оглядываюсь. Он идет за мной. Не торопится, но и не отпускает меня из виду. Я ему нужен зачем-то... зачем? Хотел бы я знать. («У тебя не туман, а КГБ какой-то...») – сказал мне один мой знакомый. – «Что-то есть, что-то есть...» – рассеянно соглашаюсь я.)

«И девочку Дороти, лучшую в городе, я провожаю домой...»

...В тумане, оказывается, лучше всего жить. Там теплее и надежнее. Жить скрыто и тайно, незаметно и плодотворно. Но там очень легко заблудиться...

И Я ЗАБЛУДИЛСЯ...

...Я заблудился. Я не понимаю, что происходит. С некоторых пор у меня не стало покоя. Все стало зыбким. Не стало уюта в душе. Ветер стал гулять там... Зябко стало, свежо. Ночные звезды лихорадит на ветру, и созвездия ведут куда-то не туда. Что-то лопнуло. Где-то заело стрелку. Небеса дали трещину... Стало тем-

но, и я заблудился. «Мама, где ты? Ребята, подождите!.. Куда же вы?» Почему так вдруг стало? Почему было так хорошо раньше и стало так плохо теперь? Объясните мне мою ошибку, мою описку, промашку, кикс, кляксу, не ту ноту... Я исправлю. Если я допустил... Я клянусь. Мы все наладим. Сообща. Помогая друг другу. Жалея. ...Еще можно. Еще не поздно.

Если взяться.

Если приналечь...

На Чижикова, во дворце у Хруща...

...Был март. Кричали вороны. Полной грудью дышал пустырь, шевелился ночной чернозем, стадион еще не был построен... Кругом были ночь и туман, заваленная сырыми досками пустошь, заколоченная на зиму луна. Начиналась какая-то дикая весна, с ранним цветением и морозами, по ночам снились кошмары.

Трава на крышах наливалась сырой водой, бутылочными осколками грозы...

– Хочешь, я покажу тебе уборную в нашем дворе? – сказал как-то Хрущ, пригласив меня в гости. – Нормальный себе такой одесский сортир, ничего особенного. Да? Но... один интересный момент: там уже лет СОРОК лежит немецкий снаряд, еще с войны... и никак не взорвется! Представляешь? Мы этого дня все время ждем. С самого детства. Прикинь: когда садишься... какой-то особый холодок в заднице появляется... Практически у каждого. Это – холодок ожидания. (Ладно, задница – хрен с ней! Вот если член оторвет... это уже серьезно. А его оторвет наверняка. Что особенно жалко.)

– Ну хорошо, а в ЖЭК писали?

– Об чем речь? Конечно. Вызывали даже саперов. Ну... саперы в дерьмо, сам понимаешь, лезть отказались. Категорически! (Их можно понять: я бы тоже не полез.) Так и уехали ни с чем. Но мы надежды не теряем. Кто-то же в этом доме должен взлететь, хоть раз в жизни! Кому-то же повезет.

.....

...На Канатной, осень, угол Греческой, мы идем куда-то с Борей Херсонским и Олегом Губарем. Я говорю Боре о том, что чувствую себя... как-то не так. Не так, как хотелось бы. И что нервы,

что нездоров. Жалуюсь. Он внимательно слушает. И тут нам почти навстречу идет Яша Шапиро, не узнавая. Вид довольно растерзанный: пальтишко висит на одном рукаве, брюки расстегнуты, он с трудом поддерживает их, в другой руке рубаха вылезла, шахматная доска, две или три книги, падают, он их пытается поднять, идет весь в соплях, без шапки...

– Вот видишь, Фима, этого человека? – говорит Боря. – Вот этот человек нездоров. А у тебя... все еще относительно в порядке. (И мне почудилось: «...все еще впереди».)

Я как-то сразу успокоился и жаловаться перестал.

...Уже не помню, где (кажется, в школе?), вижу на стене – текст гимна Украины. Я читаю этот текст и эти строчки вслух: «Сгинуть наши вороженьки, як трава на сонці...». И мой знакомый и вполне замечательный поэт, стоящий рядом, замечает: «А вот это уже про нас с тобой, Фима...». И я сразу же загрустил. Ибо тут же ему поверил. Хотя очень надеялся, что он все же шутит...

...Потом я вспоминаю что-то из детства.

Про ВЕЧЕР, который «стекает горячим сиропом в пыльный стакан Молдаванки... Там бабушка Дора – зовет, надрываясь, домой вспотевшего внука. Внук забивает в родные ворота решительный гол! Давно пора ужинать. На небе уже зажигаются звезды. Пора набирать газированной свежей воды. Киоск уже скоро закроют... Думать, что к вечеру все затихает в нашем прекрасном дворе, – большая ошибка... Где-то идет разговор. И далее – незабываемые вопли соседей – там «спор нарастает крещендо: – Чтоб ты так дышать могла, румынская блядь, если я позволяю себе какую-то нечисть в отлив! – Ах ты паскуда, ты будешь меня публично позорить? Последний ребенок знает, что ты в такие тяжелые годы с немцами СТО РАЗ спала!! – Грязная тварь, мандавошка, последняя сука квартала! – Ты посмотри на нее – худая зараза!! Об тебя же порезаться можно... – Ах, ты опять за свое? Ну так запомни, халява, я твоего слабосильного мужа больше к себе не приму!.. – Потаскуха!.. Держите меня, или будет убийство... (Никто, конечно, соседку не держит – убийства не будет...)». И так далее.

Соседи почему-то изъяснялись тогда гексаметром. Это было незабываемо!..

.....
...А потом я вспомнил – про «восхитительный запах дерьма и отечества» – и одно свое стихотворение по этому поводу... Но – об этом уже в другой раз.

И последнее.

* * *

...Я клоню в сено исхудалое лицо педагога, иссохшее от прозрений,
мудростью наливаются мои глаза, и пот честолюбия омывает мои ноги...

* * *

...на улице лето... из пахучего шланга дворничихи обрызгали гравий...

В деревянных скамейках скопилась совсем молодая роса...

Просыпаются мальчики...

Ночные планеты тихо сходят на нет...

Разминают затекшие косточки птицы...

Крикнул цветок.

У девочки болит и восходит грудь.

Она кричит...

Сладко,

сладостно.

От юности, от росы...

.....

(– Разве от росы кричат? –

поинтересовался однажды Игорек.

– Бывает, что даже ОЧЕНЬ... –

со знанием дела вкусно ответил Гланц.)

.....

1

КОГДА В ОДЕССЕ БЫЛ ВЕСНА... (эхо романа)

...всюду была какая-то неясность. Денег не платили,
алодисментов не было слышно, лучшие книги

исчезали с прилавков,

зелень продавали по высокой цене,
фильмы снимали по чужим сценариям,
пахло нефтью и отравленным морем...

...начиналась какая-то дикая весна,
с ранним цветением и морозами, по ночам снились кошмары,
где-то далеко, в московии,

Хрущ задышался от столичного смога,
на магнитофонные ленты наматывалась жизнь,
а счастья все не было...

2

...Дул ровный, как веревка, ветер. Шел куда-то 1980 год.

Дул, раздувая жабры, теплый ветер с окраин...

Был март. Кричали вороны. Полной грудью дышал пустырь,
шевелился ночной чернозем,
стадион еще не был построен...

Кругом были ночь и туман,
заваленная сырыми досками пустошь,
заколоченная на зиму луна...

...У Вики пили чай с крепкой, но уже не той заваркой,
читали стихи, смотрели на икебану за окном,
вспоминали прошедшее лето, играли в слова и молились...
Билли преданно смотрел в глаза, на морде у него моталась слюна.
Порто-франко медленно опускался на древнее дно...

.....

...на кухне капала вода, в заплеванном отливе, торгуясь,
как на Привозе,
стая тараканов, задыхаясь, пожирала прошлогоднюю яичницу...
Рукописи угрожающе росли и складывались в повествование...

4

...А утром во дворе так тихо лопнет лед,
и сыростью ночной подует из сортира,
с окрестных гор и ледяных болот,
из плодоовощной квартиры...
Там грезит о тепле холодный зябкий парк,
налитый молоком тумана,
там детское евангелие Марк
читает людям без обмана.
Пускают в небеса свой аленький кораблик
мой грач двоюродный,
троюродный мой зяблик...

...

...и город всхлипнет вдруг,
и ослабеет холод,
и скажет мне мой друг,
что я красив и молод...

Кругом такая ночь!.. Расслабленная речь,
Задумчивая дочь, затопленная печь.
И звезды смотрят вниз в предошущенье чуда,
и неземная речь
летит оттуда...

.....

А потом была зима.....

* * *

Там, где сейчас Шурочка Рихтер, на континенте, в Штатах, –
тоже зима. Наваливаются ветер и возраст, снег и время...

Арлекины на холстах заскучали, постарели. Носы у них пооб-
висли. Жабо осыпалось, потускнело... Мишель уехал. Гирш тоже
не звонит. Уже три дня...

...Сидит ночь. Океан за окном затаился. Вскрапнул – и ждет
отката.

Дышит протяжно и мощно под панцирем луны... На Луне
движение.

Всадники несутся друг за другом. И не догоняют.....
Океанские пляжи пустынно. Черепахи и крабы зарываются
в лунный песок,
звезды лихорадит на ветру... («Не зарывайтесь, Штирлиц,
не зарывайтесь!»)

Холодно по ночам в громадных освещенных подъездах,
и свищет пра-время в пустых провалах мироздания...
Телефон молчит. Остывает чай, дымит сигаретка,
дремлет влага в коньячной таре...

«Пошевели хвостом, Акита, по трюму разгони тепло...» Акита –
большая теплая умная собака.

Идет вереница, почти арабская вязь Шуриных стихов:
«В разгар зимы, среди обуз,
преобрази Георгия в Егора и позови Сёрена Кьеркегора
в беседку Муз...»

Что-то похожее... Неужели я переврал? Определенно.

...Я перебрал во сне твои стихи
и переврал. Наверняка. Прости.

Я ПЕРЕБРАЛ... А мне еще грести против течения. Но просить
прощенья,
держа стихи в протянутой горсти...? Побасенки свои нехит-
рые плести уже без божества, без вдохновенья? Не стану, Господи,
прости.

.....

* * *

...А сейчас у меня роман. У меня роман с моими записными книж-
ками... Это серьезно. И это надолго. Из них так просто не выбраться.
Там закодирована моя жизнь... И мои сны.

«Тают зеркала в пустыне комнат, время движется к весне.
Кто нас помнит? Нас никто уже не помнит. Дикий снег заносит
нас во сне...

– Вы, наверно, не читали Торы? Странные ведутся разговоры –
об Иране, турках, о войне... Выпиваем, но совсем немного. Доб-
рым словом поминаем Бога
в серебристой маленькой стране.

Барух Спиноза, сегодня ты мой господин.

Кегли с мороза и банка любимых сардин.

Угли в камине, и в термосе кубики льда.

Ветер в пустыне, в кране хмельная вода...

Горсточка пепла, бокалы осенней тоски.

Осень окрепла, зима заострила виски...»

И все это – «в разгар чумы, в присутствии сумы.

В родной стране,

в преддверии зимы...»

...Впрочем, я об этом уже говорил. В иных местах повествования, в иных местах...

А теперь я устал.

.....

Спокойной ночи, господа...

Спите спокойно, дети, жены и друзья мои. Ночь на дворе. Над Израилем, как над Мадридом, глубокое голубое и чистое небо.....

...А на прощанье – стишок тех далеких лет, который мы написали втроем когда-то:

«Полно врать, мы все устали.

Полночь смотрит на дворе...

Спасибо, дедушка, вам, Сталин.

И вам, Бальзак де Оноре.

И вам, сосед по скорбной плоти,

В пыли и пятнах мой пиджак.

Все кончено.

Мы в переплете:

Я, Александр, Гиш, Бальзак...»

* * *

...Над Германией медленно опускается рождественский снег.

.....

Потсдам

